
КАРИНА ДЕМИНА

О БЕДНОЙ СИРОТКЕ
ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Королевский университет магии

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30   О бедной сиротке замолвите слово : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-109340-2

Маргарита знала, что в этой жизни ничего не достается даром. И если уж выпал шанс изменить свою жизнь к лучшему, то надо держаться за него и руками, и ногами, и новообретенным даром. А то, что окружающие насчет этого дара и самой Маргариты имеют собственные планы, так это исключительно их проблемы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109340-2

© К. Демина, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

Девочка спешила навстречу любви.

Она не шла — летела, и босые ноги едва касались влажной крыши. Та еще блестела после недавнего дождя. Скоро взойдет солнце, и вода испарится, а с ней и остаточный след, который и без того был почти неуловим.

— Я знала, — она смотрела снизу вверх, и глаза ее сияли. — Я знала, что это — настоящее чувство.

— Конечно.

— Ты любишь меня... только меня...

Он коснулся пальцами ее лица.

Теплое.

Волосы мягкие и так знакомо пахнут травами. Лепесток ромашки запутался в кудрях, и темные круги под глазами ее не портят.

Почти.

— Я... так страдала.

— Прости.

— Ничего, — она вытерла несуществующую слезинку.

Притворщица.

Именно тогда он и решился.

— Ты хочешь, чтобы мы были вместе? Навсегда? — он прошептал это в розовое ушко, и то вспыхнуло, покраснело. — Тогда ты должна кое-что для меня сделать. Сумеешь?

Она кивнула.

И эта ее готовность сделать действительно все, что угодно, взбесила куда сильнее, чем признания. Она ведь и вправду сделает.

Все, что он ни попросит...

А он не будет просить много. Он возьмет ее за руку, теплая ладонь с крошечной меткой старого шрама. Пальчики тонкие, хрупкие. Ноготки... она так и не избавилась от привычки грызть их. Он потрогал эти ноготки и погладил шрам, прощаясь.

— Идем.

Она покорно шагнула на край крыши.

Солнце уже показалось, а значит, стоило поторопиться.

— Видишь, — он провел рукой в воздухе, позволяя иллюзии раскрыться, — нас ждут. Сегодня мы поженимся, а завтра расскажем обо всем.

Он точно знал, что она видит.

Дорожку среди клиновидных маррантов. Узкие и высокие, с серебристыми листьями, которые марранты не сбрасывали и зимой, они напоминали диковинные пирамиды. Сиял белизной девичий кумарис, прозванный невестиним цветом. И редкие желтые пятна лютиков лишь подчеркивали искристую эту белизну. Мох наполнил на камни...

Храм.

— Это...

— Здесь не спросят о дозволении родителей, — он поцеловал ее пальцы. — И никто никогда не скажет, что наш брак незаконен. Понимаешь?

Она кивнула, не сводя взгляда с нагромождения валунов, среди которых то тут, то там виднелись статуи. В отличие от храма их время не тронуло.

— Ты же понимаешь, что иначе нам не позволят...

— Да... — она обернулась. — А ты... ты уверен?

— Конечно.

Его начала раздражать эта нерешительность.

— Но если ты не готова... я не могу держать портал вечно.

И она решила.

Один шаг.

Всего один шаг, и иллюзия задрожала, осыпалась ворохом разноцветных искр. Она только и успела, что коротко вскрикнуть. Звук удара был... неприятным. Почему-то он представлял это иначе, но... он выглянул, убеждаясь, что все прошло именно так, как должно.

Девушка лежала, распластавшись на каменных плитах. Ее изломанная фигурка с высоты седьмого этажа гляделась ненастоящей, кукольной. Ручки-ножки, кружевное платье, волосы светлым ореолом... даже в чем-то красиво, правда, он понимал, что эта красота — тоже иллюзия.

Стоило поспешить, а то мало ли...

Шлюха свое заслужила, но что-то подсказывало, что законники с такой постановкой не согласятся.

ГЛАВА 1

— Ну ты и с-стервь, — сказал Вадик, потирая ушибленное колено.

— А то! — Я пнула его по голени, уже без особого раздражения, но так, для острастки, добавив: — В следующий раз вообще яйца оторву...

Я вывернулась из теплых Вадиковых объятий.

Тоже мне... если мы пару раз прогулялись по парку, то теперь, значит, руки распускать можно? Я вытерла губы, раздраженно подумав, что день определенно не задался.

Сначала у мамашки приключился внеочередной приступ глобального чувства вины передо мной, которое она выплескивала в слезах и причитаниях. А значит, и думать нечего, к вечеру дозу найдет. И хорошо, если чего легенького, что только мозги отключит.

Надеюсь, хоть дружков своих на хату не потянет.

А с другой стороны, Танька всегда была не против поменяться на ночь.

Из дому я убежала, рывкнув, чтоб мамашка и не думала ширяться, потому что... просто потому, — ей мои аргументы до одного места.

Сбегала так быстро, что не разминулась с Софкой с первого этажа. Да и немудрено, в Софке два центнера весу, которые дорогу перекрывали надежней, чем холестериновая пробка сосуд. Характер у Софки соответствующий весу. Наши ее вообще ведьмой полагали, а потому относились уважительно, чем окончательно разбаловали.

— В мое время, Маргарита, — Софкино лицо было гипертонически красно, три подбородка надежно скрывали больную — а у такого человека здоровых органов однозначно немного — щитовидку от мира, — девушки не носились сломя голову.

— Так когда это было, баба Софа...

Она терпеть не могла, когда ей намекали на возраст, краснея еще больше. Круглый рот ее раскрывался, извергая слова, которые почему-то моего сознания не достигали. Может, потому, что это сознание давно научилось отсекалть несущественную информацию.

— ...Наплачешься ты еще, — донеслось в спину.

Куда уж больше-то?

На автобус я опоздала.

И до института пришлось нестись галопом. Срезать вот решила через узкую кишку Завязьего переулка, слепую, как аппендикс. А тут Вадик с его обнимашками, резво перешедшими в поползновения весьма определенной направленности.

Еще и поцелуй слюнявые.

От слюней чужих меня мутило, а холодные Вадиковы лапы под кофтой лишь добавляли остроты ощущениям.

— Марго... ну чего ты? — он меня догнал и пошел рядом, огромный, нескладный и, честно говоря, не особо симпатичный. Наши-то дуры млели, правда, не от неземной Вадиковой красоты, а от осознания, что у этого гоблина собственная хата имеется и машина, и вообще кошелек у него пухнет от бабла.

Предки у него козырные.

Ага.

Предки, может, и козырные, и на сыночка единственного не жалеют тратиться, только сомневаюсь, что обрадуются они нищей невестке. А Вадичек пусть в грудь свою стучит, аки горилла в бубен, но без предковых благословений и дня не проживет.

Какого я с ним связалась?

Сама не понимаю. Никак помутнение нашло...

— Найди себе кого, — сказала я, пошевелив пальцами. Кажется, левая кроссовка готова была развалиться. В этом состоянии готовности они пребывали уже третий месяц, и я очень надеялась дотянуть до ноября. А там на зимние переиду... если хватит, на что купить.

— Марго, ты чего, обиделась, что ли?

Вадик засопел и поскреб небритый подбородок. Он наивно полагал, что щетина делает его более мужественным.

— Нет.

— А чего?

— Ничего, — я потеряла шею. — Просто... не получится у нас ничего.

В Вадиковых полупрозрачных глазах застыла обида.

— Марго...

— Послушай, — сегодня я была зла, и злость требовала жертв. — Ты хороший парень, только... тебе подружка нужна. На месяцок-другой... третий, если выйдет. Чтоб не напряжно и без обязательств. А со мной так не получится. Или ты согласен и дальше за ручку держаться?

Вадик промычал что-то нечленораздельное. С речью у него вообще проблемы наблюдались, как и со способностью рассуждать, логикой и вообще мыслительными процессами. Именно поэтому

и учился Вадик в нашей богом забытой ветеринарке, а не в столичном меде.

— Ты жжешь...

— Жгу, Вадюша, еще как жгу. — Я перекинула рюкзак на левое плечо. — Мне жизнь строить надо... учиться. Профессию получать... работа опять же... и если уж влезать в отношения, то в такие, которые на всю жизнь.

— Шиза...

— Сам ты шиза, — я глянула на часы.

Так и есть, на пару опоздала безбожно, а первой у нас — Козлоногова стоит, у которой мало что память отменная, так и патологическая нелюбовь ко мне. Справедливости ради, Козлоногова всех студенток терпеть не могла, но меня выделяла как-то особенно — а зимой экзамен.

И придется туго.

На стипуху точно рассчитывать не стоит, хоть бы вообще не отчислили.

— Марго... — Вадик плелся сзади. — А Марго... ну ты чего такая загруженная, а? Расслабься...

Я закатила глаза. Как вот объяснить человеку, что сложно расслабиться, когда ты спишь по пять часов в сутки. Вечером еще клиенты — ничего сложного, Серафиму когти подрезать, он этого жуть как не любит, вот хозяева и не справляются. В Фимушке пятнадцать кило живого веса, что и для мейн-куна несколько многовато.

Уколы для Плюшки.

Промыть и закапать в глаза Аскольду, который, невзирая на малые размеры, отличался на редкость поганым характером. И проверить старика Фитца...

Потом созвониться с Танькой, договориться о подмене. В клинике вроде тихо, и если так, то получится поработать. Днем в читалку можно, а еще листовки и...

Я задумалась и не заметила, как Вадик отстал. Но в какой-то момент... Танька говорила, что у меня чутье, не знаю, может, и так, ведь что-то да заставило меня обернуться. Вадик стоял у стены.

Прижимаясь к стене.

Лицо его побелело. У губ появился характерный синеватый ободок. Глаза полуприкрыты. Дыхание поверхностное, неровное. Я слышала, как судорожно бьется ослабевшее сердце, готовое вот-вот запнуться, остановиться...

Проклятье!

И ведь меня же обвинят. А я ни в чем не виновата, от отказа не умирают, как и от пинка в колено, но... не с моим везением!

Какая-то часть меня билась в истерике, но тело само шагнуло к Вадиду. Руки легли на плечи, толкнули и удержали, не позволив

просто свалиться на землю. Я опустила его, вяло удивляясь, откуда вообще силы взялись: Вадик выше меня на голову и весит изрядно. Он качок, и значит, с сердцем должен порядок быть, а оно слабое-слабое.

И уже на земле я положила руки ему на грудь, приказав:

— Работай, чтоб тебя...

Надавила.

Я не знаю, что произошло, быть может, и самым невезучим положена капля удачи, но треклятое сердце трепыхнулось и застучало ровнее... ровно... и вообще нормально. Вадик задышал.

И открыл глаза.

— Марго, ты передумала? Поцелуй меня...

— Да пошел ты... — я икнула.

И кажется, готова была расплакаться, вот только слез не было.

Давно уже не было. А потому я вытерла сухие глаза рукавом и сказала:

— Кардиологу покажись, дубина.

На вторую пару я успела, и треклятая Козлоногова, естественно, не упустила случая спросить, где это нас носило. Ответить бы ей в рифму, да... сессия, будь она неладна.

... А его я узнала сразу. И еще удивилась, что он не изменился совсем. Тринадцать лет прошло, а он не изменился. От мамки моей тень осталась, страшная, выbleкшая, с путанными волосами и глазами запавшими, а этот...

По-прежнему в костюме.

Синем.

Галстук с зеленой искрой и булавкой.

Белая рубашка.

Легкий плащ.

Кейс.

Стрижка.

И маникюр, кажется... нет, маникюр, надо полагать, из его новой жизни, в которую он ушел, не оглянувшись на нас с мамой.

— Маргарита? — а тон-то такой...

— Я за нее, — я скрестила руки. Надеюсь, дражайший папочка не думает, что я сейчас кинусь ему на шею, соплями от счастья захлебываясь.

— Ты выросла.

— Да неужели... какая странность.

— Сарказм тебе не к лицу. Идем.

— Куда?

Ответа меня не удостоили. Папочка повернулся спиной и направился к темной машине, припаркованной в месте, для парковки не предназначенном. Я пожала плечами и направилась в противо-

положную сторону, если поторопиться, то успею на свой двадцать третий.

— Маргарита! — его окрик спугнул воробьев. — Маргарита, немедленно остановись!

Еще чего...

— Маргарита!

Я обернулась и спросила:

— Чего тебе?

Папочка выглядел злым. Нет, не просто злым, он был в ярости. Лицо побелело, а на щеках проступили алые пятна. Этак инсульт хватит, а мне оно надо? Мне одного болезного за день выше крыши.

— Ты как себя ведешь?

— Слушай, — я поправила сползающий рюкзак, в котором, помимо книг, уместилась почти свежая булка и бутылка йогурта. — Если ты пришел нотации читать, то опоздал маленько... лет этак на тринадцать.

Была надежда, что папочка смутится. Или скажет, что сожалеет... или не скажет, но хотя бы вид сделает, однако он лишь бровью дернул.

— Маргарита, ты обязана отправиться со мной.

— Нет. — Булку я съем чуть попозже... Серафимка живет возле парка, вот и... у Аскольда мне предложат чаю, и этого хватит на вечер. — Говорю ж, опоздал. Мне уже пять лет как восемнадцать исполнилось, а потому ничего и никому из вас я не обязана.

Папочка поморщился и щелкнул пальцами.

Все-таки раньше лицо у него было другим... более приветливым, что ли? И когда на маму смотрел, он улыбался... и...

Я открыла глаза.

Пахло кофе.

Корицей. Туалетной водой, но неназойливо. Кожей еще — и... мы ехали. Куда?

— Какого черта? — я открыла глаза.

— Маргарита, ты ведешь себя неподобающим образом.

Вот хрень...

Я потеряла глаза. Как он это провернул? Кино какое-то... дрянное кино, где героине пихают в рот хлороформовый платочек. Нет, папаша стоял далековато. Баллончик? Усыпляющий газ? Я бы заметила, и... не вжуются подобные фокусы с пафосной папашинной фигурой.

Вот сидит.

Смотрит перед собой.

Точный профиль, жесткий подбородок. Височки пострижены по линейке... мудак.

— Я понимаю твоё удивление, но все же тебе следует лучше контролировать свои эмоции. Полагаю, это сказывается дурная кровь твоей матери.

— Ага, а твоя, значит, хорошая... — Я потеряла виски. Голова слегка ныла, но и только. И во рту никакого химического привкуса. А он вообще должен быть? — Машину останови.

Папаша меня проигнорировал.

— Слушай, не знаю, что тебе вдруг от меня понадобилось, но давай ты опять забудешь о моем существовании, а? — Что-то происходящее мне нравилось все меньше. Воображение рисовало картины одну другой бредовой.

От неизвестного дедушки, который не нашел ничего маразматичней, как завещать мне несправедно нажитые миллионы в обход папаша с новой его семьей, до тихой клиники, где меня разберут на органы.

— Это было бы правильно, — папаша поморщился. — Но к огромному нашему сожалению...

Нашему? Это он о себе во множественном числе говорит?

— ...инициированный необученный маг представляет потенциальную опасность для общества.

— Что?

— Твой дар проснулся, — отец поморщился, будто само это признание далось ему с немалым трудом. — Что накладывает на род определенные обязательства.

Бредит?

Шизофрения, она такая... не разбирает богатых и бедных, справедливая, стало быть...

— Я полагал, что гены твоей матери...

Магия существует.

Для избранных. Это в принципе не удивляло. Я уже успела понять, что в мире этом все люди делятся на избранных и прочих, к числу которых я себя и причисляла до недавнего времени.

Ан нет, оказывается, я маг.

Из древнего и славного рода, честь которого отныне я обязана холить, лежать и всячески об оной заботиться, ибо само мое существование ставит наличие этой самой чести под вопрос. Нет, в формулировках папенька был обтекаем, но я давно уже научилась слышать не только слова.

Мне не будут рады.

Мягко говоря.

Но и бросить меня папенька не может, и отнюдь не потому, что совесть не позволяет. Совесть как раз молчит. Она у него воспитанная, зараза. А вот какой-то там Совет при королевском Анклаве сильно не одобрит, если вдруг где-то там объявится живой маг, не

способный контролировать силу. Оно и правильно, этой самой силой, которую я в себе не ощущала совершенно, многое можно натворить. А главное, что поскольку количество одаренных не так и велико, то вычислить мою принадлежность к папенькиному семейству будет просто.

Вычислить и спросить, как так получилось?..

— Ты должна помнить, что..

Я прикрыла глаза, мысленно закрываясь от папенькиного бубнежа. И как мне быть? Требовать, чтобы меня вернули?

Требовать могу, но что-то мне подсказывало, что требования эти услышаны не будут.

Сбежать?

Вариант, но..

Сбежать я успею, а воспользоваться шансом... если я и вправду маг, а магов не так много, следовательно, их ценят. И, научившись пользоваться собственной магией — бредовенько звучит, однако, — я получу неплохую возможность устроиться в жизни.

Целитель, полагаю, профессия не хуже ветеринара.

Да и целитель-ветеринар — люди меня несказанно раздражали — тоже вполне себе неплохо.

Выучусь.

Вернусь домой.

Маменька, правда... а с другой стороны, мое присутствие ей не мешало ширяться, отсутствие же она замечала редко. Поторговаться, чтобы за ней присмотрели? Или...

Машина остановилась.

— Надеюсь на твоё благоразумие, Маргарита, — произнес отец таким тоном, что я осознала: лучше бы мне это благоразумие проявить.

ГЛАВА 2

А жили маги неплохо. Не знаю, все или же только те, которые происходили из древних и славных родов.

Структурированная зелень парка, разделенного сетью желтых дорожек.

Газоны.

Кусты неестественно аккуратных форм. Каменные вазы, цветы и бабочки. Темная гладь пруда где-то вдалеке. И огромная машина дома. Сложенный из темно-бурого камня, он гляделся этакою незбылемой громадиной, которую не всяким штурмом возьмешь.

Четыре этажа.

Никаких тебе излишеств в виде колонн и портиков. Яркая медь водостоков. Четырехскатная крыша с парой труб и флюгерами...

Уродливые статуи.

И узкие окна, забранные решетками.

Дубовая дверь и щит над ней — надо полагать, герб папенькиного славного рода, а на нем зверь неведомый с орлиной головой, львиными лапами и змеиным хвостом.

Лапы когтисты.

Хвост чешуйчат. А из орлиной головы выходит пара острых рогов.

Минут через десять я убедилась, что изнутри дом так же мрачен, как и снаружи. Дневной свет в окна почти не проникал, и местные коридоры утопали в сумраке, который обитателям дома был привычен, как, полагаю, и скрипящие полы, сквозняки и прочие прелести древних строений.

Когда-нибудь я куплю себе квартиру.

Она будет небольшой и светлой, в новом доме, чтобы не осталось в стенах и тени чужих воспоминаний. Я повешу на окна полупрозрачный тюль — исключительно для красоты.

— ...И ты полагаешь хорошей идеей притащить ее сюда? — Женщина в светлом брючном костюме не скрывала своего недовольства.

— Это мой долг, Амелия.

Вот, значит, какова она, новая папенькина любовь. Хотя, может, я и предвзята, но любовью здесь и не пахнет.

А она хороша.

Высокая. Статная. Светловолосая, причем или натуральная блондинка, или — слишком уж яркий платиновый оттенок у нее — стилист хорош. Лицо узкое. Скулы высокие. Нос точеный. Губы вот великоваты, но это не портит женщину.

Длинная шея.

Нить жемчуга. И такая же — на руке, что нервно терзает салфетку. Но сдается, что с куда большим удовольствием наманикюренные эти пальчики вцепились бы мне в горло.

— Твой долг? — она вскочила и прошлась по комнате, взмахнула рукой, и шелковый рукав скользнул по безделушкам на полке. — Твой долг состоит в том, чтобы позаботиться о дочерях...

— Она тоже моя дочь.

— Мило, что ты вспомнил, — я развалилась в кресле, не делая попытки соответствовать месту и компании.

— Боги, — трепетные пальцы прижались к вискам, и на мизинчике блеснуло золотое колечко. — Слухи пойдут... что станет с нашей репутацией... девочки... Мелисса...

Ага, то есть у меня имеется не только очаровательная мачеха, но и пара сестриц. Я поерзала, пытаюсь отрешиться от нехороших ассоциаций.

Золушки в себе не ощущала.

— ...Ее брак...

— О браке пока речи не идет, — отец поднялся. — Маргарита остается. Позже мы решим, что с ней делать.

А вот это мне совсем не нравится.

В каком смысле, решат? Мне казалось, что все более-менее ясно: меня обучат и пинком выпроводят в прекрасное светлое будущее, разорвав тем самым всякие связи.

— Мне пора. Позаботься о ней.

Интересно, его по голове не били? Оставить незаконно-рожденную дочь на попечение законной супруги? Или он надеется, что Амелия мне яду плеснет, тем самым раз и навсегда решив проблему?

Она открыла рот.

И закрыла.

И молчала долго. Я тоже с разговорами не спешила, но, поставив на колени рюкзак, откопала булочку. Помялась? Ничего страшного. Йогурт тоже пришелся весьма кстати.

— Твой наряд отвратителен.

— Ага, — я шумно отхлебнула из бутылки.

— И манеры...

— А то...

Интересно, она просто пар выпускает или и вправду надеется выбить меня из колеи?

— Необходимость... заниматься тобой не доставит мне ни малейшего удовольствия. — Амелия разглядывала меня, не скрывая раздражения.

Но...

Было что-то еще, помимо гнева.

И обиды.

Страх? Страх острый, как железная стружка, и привкус оставляет металлический. И главное, что как ни скрывай его, а все одно выберется, выдаст.

— Я не напрашивалась, — говорить с набитым ртом не слишком удобно, но...

Я же дикая.

И дурно воспитанная. И вообще дочь наркоманки, которая всенепременно пойдет проторенной дорогой и если еще не стала шалавой, то всенепременно станет.

Знаю.

Проходили.

Амелия поморщилась и, взяв со столика фарфоровый колокольчик, потрясла им. Минуты не прошло, как в комнате появилась квадратная тетка самого мрачного вида, и дело было отнюдь не в черном платье ее, которое и белый фартук не оживлял, но в выражении лица.

Поджатые губы.